

РАЗДЕЛ «ПОЛИТОЛОГИЯ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCE»

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ /
THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS

Серия «Политология. Религиоведение»

2015. Т. 13. С. 9–27

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

УДК 32

Модерн как парадигма и развитие ее в реальность

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Сделана попытка крупными мазками обрисовать модерн как совокупность доктрин, эпоху и способ существования цивилизации. Рассмотрены подходы к обоснованию его хронологических рамок, причинам появления и формам. Автор выделил и показал основные постулаты модерна: разум, рациональность, образование, прогресс и позитивизм, проанализировал практику и историю реализации идей модерна в различных видах и формах в разных географических областях. Большое внимание уделено исследованию кризисных явлений в различных сегментах феномена модерна. Здесь и кризис идеологий, возникших на основе рационалистической парадигмы, и, как его следствие, возрождение старых парадигм и идеологических доктрин. Так как совокупность этих проблем рассмотрена автором в двух предшествовавших номерах журнала, он ограничился их упоминанием [9; 11]. Им обрисована современность как состояние, в котором находятся субъекты и объекты исторического процесса. Особое внимание было уделено состоянию и самосознанию современного человека. Дана характеристика нынешнего уровня образования как антитезы задуманного творцами теории модерна. Констатируется эрозия политики и потеря эффективности политического процесса, переход его из сферы реальной политики в виртуальную и парадоксальную. Показано, что следствием этих процессов стало безграничное господство манипулятивных технологий, заменивших собой агитацию и пропаганду. Невиданные прежде возможности массовых коммуникаций позволили превратить социумы и коллективы в массовые аудитории и сделать индивидов участниками театрализованных представлений и шоу, послушных воле неведомых режиссеров и сценаристов, которые сами в свою очередь являются марионетками неведомых политических сил.

Ключевые слова: парадигма, модерн, постмодерн, современность, манипуляции, наука, идеология, рационализм, социализм, либерализм, мировая история.

Исследование состояния современного глобального политического процесса и идеологического дискурса в политической науке однозначно подталкивает ученого к изначальной точке бифуркации, после которой возник феномен, означаемый современностью, современной цивилизацией и т. п. Перед незави-

симым аналитиком встает дилемма: наш мир многогранен или многовариантен? Данная работа представляет собой очередную попытку ответить на этот базовый вопрос посредством историко-политологического анализа.

Человечество, будучи в интеллектуальном смысле достаточно юным феноменом, мучится над классическим для мыслящего существа вопросом, сформулированным Ф. М. Достоевским в максиму: Кто я? – «...Тварь ли я дрожащая или право имею?...». В результате многовекового осмысления этого вопроса в политической интерпретации лучшие умы человечества сформулировали через теорию субъектности три ответа. Политика – это: 1) инструмент реализации Божьего промысла; 2) результат рациональной деятельности человека как властителя и творца мира; 3) субъективная реальность объективно непознаваемого человеком мира. Эти ответы, в различных вербальных интерпретациях, и правят глобальным социумом в виде парадигм. Причем властвуют они человечеством одновременно, и господство каждой из парадигм временно и относительно, и обусловлено историческими и географическими реалиями и обстоятельствами.

Переход к новой парадигме – процесс всегда вынужденный, долгий и болезненный. Кризис господствующего мировоззрения обнаруживается через неспособность цивилизации решать возникающие перед ней проблемы. Наступление кризиса ощущают не все и не сразу, а прежде всего интеллектуальные элиты ведущих цивилизаций. И здесь мы выходим на следующую фундаментальную проблему: человечество – это единый феномен или совокупность самостоятельных цивилизаций? Иными словами, все народы пройдут свою историческую судьбу по столбовой дорожке человеческой миссии или таких дорог более, чем одна? Что доминирует в человеческой истории – поглощение и унификация или культурное разнообразие и бесконечный процесс конкуренций?

Человечество в муках переболело и за пять веков, казалось бы навсегда, отказалось от теологической парадигмы и модели аристократического государственно организованного социума. И к концу XX в. однозначно восторжествовала рационалистическая парадигма в виде модели либерального модерна. Но последовавшее за этим 25-летие, ставшее водоразделом между вторым и третьим тысячелетиями, показало интеллектуальный крах рациональной парадигмы. Дело не в числах, но это напоминает разлом между «не нашим» и «нашим» временами.

Когда наступает иная реальность, но суть ее непонятна, ее называют новой или постреальностью. В соответствии с этой традицией наши времена именуют «постмодерном». Интеллектуалы различных политических ориентаций и пристрастий понимают (или ощущают), даже если не признают, что мир находится в очередной точке глобальной бифуркации. Интеллектуальная элита человечества традиционно разделилась на три основных группы по своей реакции на происходящее. Первые оплакивают уходящий мир, вторые исследуют процессы в поисках причин и ошибок, с целью реставрации уходящей природы и, наконец, третьи заняты строительством нового мира на базе третьей парадигмы.

В соответствии с традиционной философской классификацией первая парадигма была идеалистической, вторая – материалистической, а третья? Одной

из двух – или симбиозной, смешанной, а может быть, некой иной, неизвестной и непромысленной. Но важнее всего, по мнению автора, определиться, что сейчас: модерн или не модерн?

Исторические и понятийные границы модерна

«Модерн» – многосмысловое понятие, употребляемое для обозначения определенных периодов истории, а также духовных и интеллектуальных направлений, характеризующихся чем-то новым, отличным от имевшегося ранее.

Чаще всего указывают на три наиболее существенных значения термина: модерн как широкое понятие современности, охватывающее собой весь период нового, прежде всего христианского, времени; модерн как синоним Нового времени (как историческая эпоха после Античности и Средневековья), и наконец, модерн как своеобразная мировоззренческая установка, духовный проект современности, особая «эпоха духа», или «эпоха Просвещения», которая противопоставляет себя предшествующим непросветленным эпохам.

Естественным образом, среди исследователей не существует единого мнения по определению модерна и его хронологических рамок. В частности, П. Козловский считает, что христианство и модерн достаточно тесно взаимосвязаны между собой: «...Эпоха модерна начинается уже с изгнания первого человека – Адама из рая». В Новое время христианский человек модерна был заменен «человеком идеологическим», но и он не потерял своей глубинной взаимосвязи с «проектом модерна», поэтому «модерн в этом смысле нельзя считать эпохой ни в широком толковании (как в христианскую эру), ни в узком толковании модерна как эпохи Нового времени. Модерн как идеология – это не эпоха, а мировоззренческий проект» [16, с. 87].

Немецкий философ и социолог Ю. Хабермас пишет, что термин *modern* впервые стал употребляться в конце V в. для того, чтобы разграничить только что обретшее официальный статус христианское настоящее и языческое римское прошлое. «Модерность», «принадлежность к современности» (*Modernität*) – хотя содержание этого понятия и менялось, оно искони выражало сознание эпохи, соотносящей себя с античным прошлым в ходе осмысления себя самой – как результат перехода от старого к новому [28].

М. Быкова также определяет модерн не как конкретный исторический период или промежуток времени, а как мировоззренческий проект, духовную установку, господствующую в определенную эпоху. В своей работе она употребляет его как теоретический проект или мировоззренческую установку, характеризующую переход от рационализма классического к постклассическому.

Основным содержанием такого перехода стала выработка новой концепции разума. Разум перестал быть всеобщим абсолютным принципом, из которого пытались вывести все определения субъекта, и начал толковаться как важнейшая способность конкретного индивида, обеспечивающая наличие чистых мыслительных действий как идеальных оснований реальных психических и мыслительных актов [4, с. 95].

А. Г. Дугин, напротив, жестко разграничивает парадигмы премодерна и модерна и определяет их взаимосвязи как «отношения плюса и минуса». Он считает, что в центре интеллектуальной и духовной деятельности и мышления

человека премодерна была религия. Ее догматы, нормы, принципы, культы, ритуалы парадигмально формировали и субъектную, и объектную реальность... [6].

Постмодернистами модерн как современность рассматривается в двух смыслах. В первом она охватывает примерно два столетия и именуется эпохой Разума. Она начинается в конце XVIII в., вместе с Великой Французской революцией, и означает практическую реализацию капиталистического, индустриального общества. Во втором подходе начало современности отодвигается еще на одно столетие назад, до середины XVII в., когда шла разработка проекта будущего общества. Современность при таком подходе охватывает Новое и Новейшее время.

Расширение границ современности представляется Ю. А. Нарижному вполне обоснованным, ибо оно позволяет составить о ней более полное представление [21]. Именно в середине XVII в., предвзяя наступление Нового времени, Ф. Бэкон и Р. Декарт поставили перед человечеством грандиозную цель: с помощью науки сделать человека «господином и повелителем природы». Для обоих наука – высшая ценность, основа надежды, символ могущества человеческого разума, реализуемого в технике. А техника расширяет возможности научного познания природы. Оба провозгласили главный принцип философии Нового времени: знание – сила (Ф. Бэкон). Знание и наука для Ф. Бэкона – мощные инструменты социальных изменений. Он отстаивал самоценность научного и философского методов.

Р. Декарт разработал концепцию рационализма, в русле которого стали формироваться основные идеалы и ценности западного мира. Он также выдвинул идею о культуре, фундаментом которой должны стать разум и наука, а не религия. В целом в XVII в. происходило быстрое возвышение науки, а через это произошла первая научная революция, ставшая зримым воплощением научно-технического прогресса, роль и значение которого оказались судьбоносными для человечества XX в.

Так началось великое преобразование социального мира и покорение природы, опиравшиеся на науку и составившие основное содержание современности в ее практическом аспекте.

Возникшие тенденции получили дальнейшее развитие и усиление в XVIII в. – веке Просвещения. Философы-просветители, в особенности французские, еще больше возвысили авторитет и значение разума и науки. Помимо этого они сделали исключительно актуальным и идеи гуманизма эпохи Возрождения. Просветители разработали концепцию нового общества, ядро которой составили универсальные общечеловеческие принципы, ценности и идеалы: свобода, равенство, справедливость, разум, прогресс и т. д. Важнейшей чертой этой концепции стал футуризм, устремленность в «светлое будущее», в котором должны восторжествовать указанные идеалы и ценности [21].

Безусловно, эти подходы не исчерпывают совокупности граней и значений феномена модерна, но подчеркивают его основное содержание и роль – социально-политической парадигмы.

Постулаты и теории модерна

Основной предпосылкой рациональности модерна является представление о том, что за неопределенностью и неверностью повседневности можно обнаружить твердый «каркас» логических законов, «онтологический хребет» реальности, который в принципе может быть постигнут разумом. В фундаменте концепции разума, веры в его всемогущество лежит допущение рациональной сути бытия и возможности с помощью разума сделать мир «прозрачным», допущение, которое является априорным.

Следовательно, основываясь на принципах научного подхода, приходится признать, что методологические принципы анализа, возникшие в классической науке, являются лишь формой «научной веры». «Достаточно правильно судить, чтоб правильно поступать, и достаточно самого правильного рассуждения, чтобы и поступать наилучшим образом, приобрести все добродетели и вместе с ними все доступные блага», – считал Декарт [5, с. 266].

Соответственно, основными средствами построения нового общества и достижения светлого будущего объявили просвещение и воспитание. Решающая роль при этом отводилась разуму и его прогрессу, безусловной способности человека к бесконечному самосовершенствованию. Разум провозглашался высшим судьей всего существующего и еще не созданного.

Своей программе построения нового общества просветители придавали всемирное значение. Они полагали, что провозглашенные ими принципы, идеалы и ценности, благодаря прогрессу разума и просвещения, охватят все человечество, поскольку все люди имеют одну и ту же природу и один и тот же разум [21].

А. С. Панарин, предполагая присущие просветителям убеждения, считал, что они исходили из того, что люди, получившие современное образование, тем самым получают возможность перерешать свою судьбу на основе самых дерзновенных планов. Таким образом, новая система массового образования работала в духе мобильной вертикали – как определенный эскалатор истории, выносящий тех, кто на нем находится, из «темного прошлого в светлое будущее». Во-вторых, единое образовательное пространство обладало мощной интегрирующей способностью по пространственной вертикали [22, с. 137].

Следующей важнейшей составляющей основатели концепции модерна определяли измышленную ими демократизацию государственного устройства. Замысел, лежащий в основе демократического проекта модерна, состоял в том, чтобы свести к минимуму роль наследуемых, стартовых условий, фатально предопределяющих судьбу человека в традиционном сословном обществе.

В ходе исторического развития наметились два основных варианта реализации проекта модерна. Однако при всех социальных, политических и идеологических различиях между капиталистическим и социалистическим путями оба эти способа создания индустриального общества породили общий тип мировоззрения, который в последней четверти XX в. получил название *модернизма*.

В его основе лежало несколько тесно взаимосвязанных между собой мифов. 1. Миф об однолинейном развитии мира. Это означало, что человечество идет по единому пути, проходя через одни и те же этапы и формы социального,

культурного развития. «Бремя белого человека» состояло в том, чтобы помочь «культурно отсталым народам» усвоить «передовую» европейскую культуру, отказавшись от своей традиционной.

2. Миф о «светлом будущем». Суть его состояла в том, что по мере продвижения народа по пути прогресса он приближается к идеальному обществу, в котором будут ликвидированы все проблемы массового недопотребления и открыты все возможности для счастья. Этот миф имел серьезные последствия для повседневной жизни людей. На нем строилась мораль самоограничения и ограничения сегодня во имя счастья в будущем.

3. Миф о прогрессе. Согласно ему человечество в целом и каждая страна по отдельности идут от этапа к этапу вверх по ступеням прогресса. Старое, отжившее отмирает, вытесняется новым, более прогрессивным. Отсюда вера в то, что новое всегда лучше старого, отсюда пренебрежительное отношение к старому на всех уровнях во всех формах. Для модернистского мировоззрения характерен культурный разрыв, а то и конфликт между поколениями. Каждое из них создавало свою субкультуру, отвергавшую субкультуру другого поколения.

4. Миф о единообразии мира. Из него вытекало понимание национального разнообразия как проявления отсталости, неразвитости, которые будут преодолеваться по пути продвижения вслед за эталонными культурами. Развитие рассматривалось как путь к единообразию. Отсюда вытекала вера в то, что есть единые для всех людей, возрастных и социальных групп, народов, эпох эталоны красоты, справедливости, добра и зла и т. д. Наблюдалась тенденция к единообразию в потреблении одежды, жилья, музыки, книг и т. д. Все, что отклонялось от единообразия, считалось нелепым, старомодным, некрасивым.

5. Миф о познаваемости мира. Природа и общество считались объектами, открытыми научному познанию. Предполагалось, что наука в состоянии дать ответы на все тайны природы, дать рецепты устранения всех язв общества и болезней. Для модернистского сознания характерен безусловный оптимизм. Отсюда – высокий статус науки и престижность образования.

6. Миф об управляемости мира. Он вытекал из постулата о полной познаваемости природы и общества. Познание открывало пути, давало право управлять в соответствии с открытыми научными закономерностями [12].

Смена основных парадигм предусматривает изменение всего спектра основных концепций. Рационализм отверг богословие, материализм – идеализм, наука – философию как пранауку. Традиционной философии как «метафизике», т. е. априорному знанию, были противопоставлены позитивное знание и «положительная наука» или «реальное в противовес химерическому». Процесс замены старого интеллектуального основания на новое требовал ученого-авангардиста и создания особой сферы, стерильной по отношению к прежнему мировоззрению. Модерн ставил задачу развития принципиально новой философии – позитивной знаниевой платформы как совокупного результата специальных наук. Такой авангардист нашелся, им стал ученик Сен-Симона Огюст Конт. Его 6-томный труд «Курс позитивной философии» был опубликован между 1838 и 1842 гг. В нем разработаны принципы классификации наук, позитивной философии и социологии [17]. Справедливости ради следует указать, что

теоретические предпосылки позитивизма были сформулированы Сен-Симоном, а разработку и пропаганду позитивных концепций осуществлял Огюст Конт.

Представление об обществе как о машине или муравейнике было в духе зарождающегося модерна. И в свете модернистского мировоззрения возникла так называемая позитивистская методология в науках об обществе. Именно тогда появилось страстное стремление сделать науки об обществе такими же точными и доказательными, как естественные. Методы эмпирических исследований в социологии и политологии стали разделять на количественные и качественные.

Количественные методы могут быть охарактеризованы как «формализованные» и «массовые». Под формализацией в данном случае понимается степень направленности методики на фиксацию строго определенного набора анализируемых переменных и количественное их измерение. Исследуемые переменные заданы разработчиком заранее. Изменение этого набора переменных в ходе исследования, т. е. «подстройка» инструментария, является невозможным. Высокая степень формализации количественных методик сочетается с их ориентацией на массовый сбор однотипных первичных данных и их статистическую обработку [2, с. 3].

Благодаря З. Фрейду наука в начале XX в. пришла к пониманию того, что люди не всегда в состоянии в логически стройных категориях объяснить свое поведение, причины принятого решения. В научный оборот наряду с понятием сознания вошло понятие подсознания. Это течение получило название психоанализа и выросло из психиатрической практики. В 1939 г. венский психоаналитик Эрнест Дихтер стал использовать фрейдистскую методику психоанализа для изучения скрытых мотиваций потребителей. Это направление стали называть «мотивационными исследованиями» [12]. В основе мотивационных исследований лежат проективная техника и глубокие интервью. Такие методы называются качественными, т. е. такими, при использовании которых между этапом получения первичных данных и этапом содержательного анализа отсутствует звено формализованных математических операций. Для проведения подобных исследований требуются высококвалифицированные интервьюеры-аналитики, которые сами собирают и анализируют данные.

Ученый не в состоянии наблюдать и учитывать все разнообразие конкретного явления, не может провести все возможные эксперименты. Он должен свести проблему до рабочего объема, и его выбор определяется ведущей парадигмой его времени. Таким образом, ему не избежать привнесения определенной системы убеждений в область изучения [24].

В современных исследованиях противостояние сторонников количественных и качественных методов в основном снимается посредством их соединения. Качественные методы используются преимущественно на стадии выдвижения идей, гипотез исследования, которые затем проверяются в ходе массовых опросов, использующих количественные методы [12].

Реализация идей модерна

XIX в. стал временем широкомасштабного воплощения в жизнь просветительских идеалов и ценностей, всей программы в целом. Уже в начале века стало ясно, что складывающееся буржуазно-капиталистическое общество вы-

глядит весьма далеким от тех идеалов, исходя из которых оно задумывалось. В нем нет желаемых свободы, братства и справедливости. Деление на сословия уступило место не менее жесткому делению на противостоящие классы, ведущие непримиримую борьбу между собой. Поэтому в середине века появился марксизм, провозгласивший пролетарско-социалистический путь реализации просветительских идеалов и предложивший более радикальные и революционные способы их осуществления. Однако и этот путь принес большие разочарования [21].

В XIX и XX в. многие идеалы и ценности Просвещения оказались либо невоплощенными, либо существенно искаженными. В XIX в. распространение ценностей западного мира на другие континенты осуществлялось с помощью грубого навязывания и насилия, а не посредством просвещения и воспитания. В XX в. западными странами были развязаны две мировые войны, чудовищные по масштабам бедствий, отмеченные варварским истреблением людей, поставившие под сомнение саму мысль о гуманизме.

Помимо этого человечество прошло через многие другие события и испытания, глубоко изменившие жизнь и мироощущение людей. Прежде всего это экономический кризис 1930-х гг., вызвавший фашизм и нацизм, которые в свою очередь породили Вторую мировую войну. Но победа в ней СССР и США принципиально изменила характер капиталистического производства. Реальная опасность мирового господства коммунистической идеологии заставила господствующий класс Запада пойти на серьезные уступки и коррективы. Благодаря этому производство перестало существовать лишь ради производства, его непосредственной целью стала не только прибыль, но и потребление, которое теперь охватило большинство населения, ранее в нем не участвовавшего. Новая ситуация привела к снижению остроты прежних социальных противоречий и конфликтов и создала вполне приемлемые для людей условия существования, распространявшиеся на две трети общества.

Второе важное событие – экологический кризис, осознанный в 1960-е гг. Этот кризис обесценил великую идею преобразования и покорения природы. Победа человека над природой оказалась на самом деле мнимой, пирровой, равносильной поражению. Этот кризис парализовал и убил прежний футуризм, устремленность в светлое будущее, оказавшееся устрашающим. Экоцид обесценил открывшиеся возможности общества потребления.

К сказанному следует добавить угрозу ядерной катастрофы, которая, как дамклов меч, повисла над человечеством. Опасность бесконтрольного расплождения ядерного оружия обостряет и без того уже критическую ситуацию. Сюда же следует отнести появление СПИДа. Вместе с опасностью экологической и военной катастрофы СПИД еще больше обострил проблему выживания человечества [26, с. 317].

Проект модерна реализовался в XX в. не только в крайних формах подавления личности в тоталитарных системах, но и в «мягких», что выразилось в порождении массового человека – «западоида». «Западнизм рационализировал человека. По определению А. А. Зиновьева, западоид есть высший уровень эволюции человека. Это искусственно выведенное существо, а не результат

чисто биологической эволюции. О нем с полным правом можно сказать, что это сверхчеловек... Сверхчеловек – это не то всесторонне развитое и совершенное во всех отношениях существо, о котором говорили мечтатели прошлого, а именно реальный западоид, т. е. внутренне упрощенное, рационализированное существо, обладающее средними умственными способностями и контролируемой эмоциональностью, ведущее упорядоченный образ жизни, заботящееся о своем здоровье и комфорте, добросовестно и хорошо работающее, практичное, расчетливое, смолоду думающее об обеспеченной старости, идеологически стандартизированное, но считающее себя при этом существом высшего порядка по отношению к прочему (незападному) человечеству» [7, с. 355].

Создание индустриального общества в XX в. пошло двумя социально-экономическими путями. Во-первых, это путь капиталистического развития с опорой на механизм рынка и частной собственности на средства производства. Он стал исторически первым, и по нему пошло большинство стран, выбравших путь индустриализации. Во-вторых, это путь государственного или государственно-монополистического социализма. Этим путем с 1917 г. пошла Россия, ставшая Советским Союзом, а затем и вся Восточная Европа, Китай, ряд других стран Азии. Капитализм и государственный социализм стали разными социально-экономическими механизмами создания индустриального общества [12].

В этих условиях средства массовой информации реально превратились в четвертую власть. Они создают виртуальные образы и потребности, формирующие у населения нереальные представления и желания, уничтожающие гуманистические традиции и параметры добра и зла. Культурная индустрия, которая еще недавно рассматривалась в качестве производителя непрестижной, дешевой, «массовой» продукции, приобретает новую функцию – производителя жизненных форм и жизненных стилей. Шоу-бизнес стал не только процветающей сферой производства, вполне сравнимой со сферой материального производства, но и отраслью, в которой производятся матрицы, модели, паттерны жизненных форм, задаются траектории жизненных стратегий [21].

Кризис модерна

История XX в. заставила человечество усомниться в своей разумности и в наличии разума как такового. Модерн, кичившийся своим разумом и рациональностью перед «смутными временами», допустил возвращение в мир страшных пороков Античности и Средневековья, объявил их нормой и поставил под защиту своего закона.

Происходит развенчание науки. Превращение научного прогресса в главную цель западной цивилизации привело человечество, через овладение ядерным оружием, в клуб самоубийц. Доведение агрессивной политики до апогея может привести к термоядерной войне, которая окончится исчезновением человечества как вида. Не менее страшными являются два других магистральных направления развития современной науки: клонирование человека и его кибернизация.

Научные открытия последнего столетия показали, что прежняя ньютонокартезианская (декартовская) научная парадигма не позволяет эффективно объяснять новые явления. Она нуждается в уточнении и развитии или даже в

радикальном переосмыслении. Общеизвестные мыслители, такие как Т. Кун, П. Фейерабенд, Ф. Капра, С. Грофф, Н. Моисеев и др., декларируют происходящую мировоззренческую революцию и необходимость смены прежней общенаучной парадигмы на новую, название которой еще не сформулировано. Предлагают означить ее как постиндустриальную, постэнштейновскую, современную, синергетическую, холономную, вероятностную и др.

Эгоистическая и антигуманная политика Запада по отношению к остальному миру, деградация гуманистических ценностей в нем самом привели к снижению и отрицанию в других странах привлекательности данной модели развития. Человечество осознало, что Запад – не идеал, а тупиковый путь, чреватый сползанием в антиинтеллектуальное и животное состояние. Феномен технического прогресса перестает быть эксклюзивной чертой Запада и неуклонно становится достоянием и Востока, вызывая рост скептицизма относительно универсальности и превосходства евро-атлантической культуры.

Разочарование и сомнение в прогрессивности научно-технического прогресса спровоцировало появление альтернативных доктрин, отрицающих интеллектуальные ценности модерна. Это привело к расцвету и широкому распространению иррационалистических движений, сект, неорелигий, ренессансу оккультизма, мистики и созданию неязыческих картин мира. Безудержное развитие разума в конечном итоге привело к господству его противоположности – иррациональному и новым формам массового безумия.

Тенденция роста национального самосознания, политика мультикультурализма, рост влияния нехристианских религий отвергают наличие единых культурных стандартов. В различных субкультурах возникают собственные автономные иерархии культурных ценностей и внутренних стандартов. Серьезной эрозии подверглась концепция разделения культур и обществ на примитивные, традиционные и развитые, современные. Она воспринималась тогда, когда имелся единый критерий стандарта культуры, который представляла универсальная эволюционистская линейная парадигма. Повсеместное распространение концепции культурного плюрализма разрушает базис классификации и всю систему стратификации общества.

Развитие студенческого и молодежного движения в западных странах в 1960-е гг., появление влиятельной и массовой контркультуры расшатывают фундамент теории наличия единой ценностной системы западной цивилизации. Возникновение разнообразных субкультур, прежде всего молодежных, подорвало уверенность в единстве культуры, в линейном характере ее развития. Культурный мультиплюрализм стал реакцией на идеологическую и культурную монолитность индустриального общества [21].

А. А. Зиновьев, много проживший на Западе, считал, что данный социум является неудовлетворенным сообществом. Несмотря на высокий уровень потребления материальных благ, огромное число «западоидов» ощущают себя несчастными и одинокими, сотни миллионов представителей данной цивилизации употребляют антидепрессанты, растет волна самоубийств. «Прогресс западного общества порождает противоречивые следствия. С одной стороны, бытовой комфорт, питание, спорт, медицина, гигиена очевидным образом спо-

способствуют улучшению здоровья людей и усовершенствованию биологического вида. А с другой стороны, имеет место рост числа инвалидов от рождения, алкоголизма, наркомании, склонности к насилию и извращениям, импотенции, аллергии, гомосексуализма, новых видов эпидемий... Люди в большинстве случаев не отдают себе отчет в том, что они душевно больны» [8, с. 123].

Опыт середины XX в. дал много нового яркого материала для критиков модернистского мировоззрения. Нацистская Германия показала всему миру один из крайних вариантов воплощения в жизнь модернистского проекта создания рационального общества: уничтожение психически больных людей и «неполноценных» рас, превращение уничтожения людей в фабричное производство. Сталинизм продемонстрировал миру другой вариант того же проекта: строительство светлого будущего с помощью массового террора, принудительного труда, воспитание народа с помощью тотального страха и т. д. Возникновение тоталитарных государств развеяло мифы о возможности реализации свободы и равенства, построения справедливого общества. Эти кризисы парализовали и убили прежний футуризм, устремленность в светлое будущее, ибо это будущее оказалось страшным [12].

Стремительное изменение мирового порядка: крах биполярного мира в 1991 г.; установление однополярного геополитического пространства; начало кризиса американской мировой монополии с 2001 г.; перемещение центра мировой экономики в Азию и т. п. привело к росту непредсказуемости мировой политики и снижению корректности политического прогнозирования.

На этом фоне возросло внимание к осмыслению «особенного» (мультикультурализм, гендерные теории и т. п.), прежде затушевывавшегося в интересах стабильного мирового порядка, поддерживаемого США и СССР. Идеологические границы, оформлявшие политическое пространство во времена холодной войны, стали отходить на второй план. Идеологическая составляющая политики начала носить скорее маргинально-вспомогательный, нежели определяющий характер.

В связи с этим на передний план выдвинулись подавлявшиеся ранее религиозные, культурные, этнические, географические и иные различия. При этом глобализация стала связываться уже не с пирамидальной организацией власти, а со все более популярной топологической метафорой горизонтальных сетей – экономических, политических, информационных, – охватывающих мир в целом [1, с. 35; 20].

Политические и социально-экономические процессы конца XX в. в совокупности с научно-технической революцией в сфере информационных технологий принципиально изменили мир модерна. Очевидно, что мир начала третьего тысячелетия представляет собой феномен, отличный от эпохи модерна. Эта «отличность» не явилась неожиданно и не представляет собой явления, не связанного с предшествовавшим периодом исторического развития человечества. Это состояние стало результатом проигрыша СССР холодной войны. Но парадокс заключается в том, что при этом англо-саксонская цивилизация не выиграла, ее слабость и проблемы очевидны и не имеют средств лечения. Поэтому мир, его интеллектуальная элита не получили новой парадигмы разви-

тия, а ощущают кризис ее рационалистической разновидности. Часть представителей науки и искусства воспринимают это как застой и кризис прежнего мировоззрения и полны дурных предчувствий, другие – как начало новой эпохи и преисполнены волнительными предвкусениями.

Такая ломка мировоззренческой картины – не первый в истории случай крупного культурного сдвига. Например, переход от аграрного общества к индустриальному был облегчен сдвигом, означавшим отход от мировоззрения, формируемого неподвижно-устойчивой экономикой. Такое мироотношение характеризовалось отрицанием социальной мобильности, и упор в нем делался на традиции, наследуемый статус и обязательства перед общиной, подкрепляемые абсолютными религиозными нормами. На смену теологической парадигмы небесной предопределенности пришло мировосприятие, поощрявшее экономические достижения, индивидуализм и инновации [13].

И для недавнего прошлого это неново, аналогичные переживания европейский мир испытывал в начале XX в., в преддверии мировой войны. Но для каждого поколения все происходит впервые. В связи с тем что в науке и искусстве для характеристики современности наиболее часто применяется термин «постмодерн», автор также использует его. Понятно, что кризис в социуме наступает с момента его осмысления, осознания интеллектуальной элитой и трансляцией ею своих переживаний и опасений в массовые аудитории. Массовая аудитория состоит из рефлексирующих индивидов, склонных мультиплицировать проблемы и драматизировать ситуацию.

Человек второй раз падает в пропасть неопределенности: в начале модерна, разуверившись в божественной картине мира и лишившись Божьей помощи, и в нашей современности – в ее разумности, в доброте науки и в гуманизме прогресса. Современный человек не ощущает себя самодовольным и самодостаточным: у него нет уже опоры в настоящем. У него нет никаких оснований доверять будущему, ибо его «завтра» стало непредсказуемым, угрожающим и опасным. Он не может больше опереться на прошлое, весь прошлый опыт человечества в новой ситуации «не имеет значения», ибо не содержит рецептов спасения. В былом можно еще найти забвение, но только в том случае, если отвлечься от того факта, что, по большому счету, оно потеряло всякий смысл. Прошлое становится таким же неясным и непредсказуемым, как и настоящее.

Человек постмодерна остался один на один с небытием. Поэтому постмодерный человек сориентирован на настоящее – время, в котором он ест, потребляет, наслаждается. Возник новый культ чувственности и тела [21].

Навязываемое человечеству мировоззрение несет на себе печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, всемогущество разума, безграничность человеческих возможностей. Общество превращается в разновидность спектакля, где присутствует четкое разделение на актеров (или акторов) и зрителей, принимающих и подчиняющихся установленным правилам игры. Таким образом, в обществе происходит обыгрывание базовых культурных форм через превращение их в симуляцию реальности [19].

Современный человек уже практически не задумывается о смысле собственной жизни, выборе индивидуального пути, он погружен в мир банальных всеобщих стандартов «социума потребления» [18, с. 189].

Сторонник либерального модерна, опрометчиво заявивший о его полной победе, Ф. Фукуяма в своей книге «Конец истории» дает уничижительный образ человека будущего. Индивид, в системе его рассуждений, – это пассивное и самодовольное существо, лишенное любых сверхличностных мотиваций своей деятельности. Ему уже незачем стремиться к вечным истинам, он не желает жертвовать собой ради великих идеалов прошлого. Настает эпоха распада любых метафизических концепций, их постмодернистское «ржавление» и демонтаж.

«Последний человек в конце истории знает, что незачем рисковать жизнью ради какой-то великой цели, поскольку считает историю полной бесполезных битв, где люди дрались друг с другом, решая, следует быть христианином или мусульманином, протестантом или католиком, немцем или французом. Верность флагу, которая вела людей на отчаянные акты храбрости и самопожертвования, последующей историей была квалифицирована как глупый предрассудок. Современный образованный человек вполне удовлетворен видением дома и одобрением самого себя за широкие взгляды и отсутствие фанатизма» [27, с. 460].

В результате самоотчуждения человека от общества оно перерождает и нравственно-психологически опустошает внутренний мир индивида; он уже не имеет ничего своего и даже испытывает страх, что от него может потребоваться что-то необщее, противостоящее массовому. При этом возникает диалектическое взаимодействие с процессом превращения общества в толпу.

«Человек сам для себя становится настолько иным, – пишет в своей книге С. В. Поросенков, – что открытость бытия в его самопонимании сведена к констатации “есть” подобно тому, как “есть” электрон, есть камень, которые в простоте своего “есть” вовсе никак себя для себя не обнаруживают» [23, с. 347].

В рамках современной западной цивилизации концепция образования меняет свою полярность: вместо создания равных стартовых условий она ориентирована на сохранение разницы этих условий. Один из самых авторитетных современных социальных философов С. Г. Кара-Мурза пишет о раздвоении единой системы образования на два коридора: «Сеть “А” производит из каждого индивидуума, независимо от того места, которое он займет в социальном разделении труда, активного выразителя буржуазной идеологии. Напротив, сеть “В” сдвинута к формированию пролетариев, пассивно подчиняющихся господствующей идеологии... Она готовит их к определенному социальному статусу: безответственных, неэффективных, аполитичных. В то время как будущие пролетарии подвержены жесткому и массовому идеологическому воздействию, будущие буржуа из сети “А” овладевают, невзирая на молодость, умением использовать все инструменты господства буржуазной идеологии» [15, с. 149].

Политическая сфера современного мира опускается с «небес» на уровень обыденности. Более того, она теряет рациональную основу и становится иррациональной. Явлениям дают определения, искажающие или даже меняющие их

смысл и суть. Значимые события мельчат, а мелочи раздувают до масштабов судьбоносных. Например, нобелевскую премию за мир дают авансом, а борьбу за мир именуют терроризмом или потаканием агрессорам. Современная политическая жизнь на Западе деградирует.

И для этого имеются очевидные доказательства. Западная цивилизация, по мнению Р. Инглхарта, приближается к пределам развития иерархических бюрократических организаций, способствовавших созданию современного общества. Бюрократическое государство, дисциплинированная олигархическая политическая партия, сборочная линия массового производства, профсоюз старого образца и иерархическая корпорация сыграли принципиальную роль в мобилизации и организации энергии людей; они сделали возможными промышленную революцию и современное государство. Но они подошли к точке бифуркации по двум причинам: во-первых, они приближаются к пределам своей функциональной эффективности; а во-вторых, – к пределам их массового восприятия [13].

Политическую жизнь пронизывает лицедейство и театрализация. Политика при этом перестает быть местом активной и серьезной деятельности человека-гражданина, но все больше превращается в шумное зрелище, становясь местом эмоциональной разрядки. Доминирование «спортивного мироощущения» (Х. Ортега-и-Гассет), «карнавальная культура» (М. Бахтин), массовое производство *Homo Ludens* (Й. Хейзинга), «шоуменизация» сферы досуга – таковы опознавательные знаки современной культуры.

Замена рациональной политической картины мира на иррациональную ломает традиционные политологические схемы и модели. Делается невозможной сравнимость политических систем государств. Возникающую неопределенность ощущают представители социально-гуманитарных дисциплин, для них постмодерн ознаменовался выдвиганием на первый план культуры. Политические процессы начинают напрямую зависеть от политической культуры. И через это культура постепенно становится основным инструментом объяснения текущих социальных и политических трансформаций.

Неслучайно самые заметные социологические концепции последних лет (П. Бурдьё, Н. Элиас, Ю. Хабермас) являются, по существу, развернутыми версиями социологии культуры. Постмодерн осуществляется в культуре и через культуру. Культурно ориентированная социология неизбежно становится основным инструментом анализа этой исторической трансформации. Сущность постмодерна Ю. А. Наризный выражает через формулу: «Там, где было общество, стала культура» [21].

Время модерна – это время ожесточенной и бескомпромиссной борьбы идеологий. С начала 1990-х гг. идеологиям объявляется война, затем констатируется падение их значимости и перемещение в сферу маргинального и экстремистского секторов мировой политики. Ф. Фукуяма в книге «Конец истории» также объявил о смерти всех тоталитарных идеологий. Он пишет о конце истории еще и потому, что, по его мнению, дискредитированы и потеряли дееспособность все идеологии и настала эра неограниченного потребления материальных благ и свободы.

Провозглашаемое им постмодернистское общество потребления изымает всякую идеальную мотивацию из сферы общественного сознания. Современный человек думает лишь о материальном, которое можно ощутить, присвоить, овеществить, а сфера духа уходит из его сознания. По этому поводу еще в начале XX в. предупреждал Н. А. Бердяев: «Вся капиталистическая система хозяйства есть детище пожирающей и истребляющей похоти. Она могла возникнуть лишь в обществе, которое окончательно отказалось от христианского аскетизма, отвернулось от неба и исключительно отдалось земным удовлетворениям» [3, с. 561]. Но его пророческие слова в реальности сбываются в начале века следующего.

После провозглашенного Ф. Фукуямой конца истории и краха тоталитарных идеологий, по мнению А. В. Лесевицкого, не произошло обещанного освобождения человечества, на него были надеты еще более крепкие оковы, – это произошло по вине манипулятивных технологий, которые достаточно широко используются современными политехнологами [18, с. 194].

Манипуляционные технологии ставят своей целью управление ситуацией через управление поведением людей. Инструменты управления поведением и цель, которая ставится при таком управлении, как правило, скрыты от людей, чьим поведением управляют. В качестве основных каналов манипуляционного воздействия используются средства массовой коммуникации [10, с. 154].

Миллиарды людей, как пишет С. Г. Кара-Мурза, через средства массовой информации получают свой «духовный наркотик», их воля и разум поражены, телевидение создает искаженную виртуальную реальность, своеобразный симулякр, декорацию подлинной реальности: «Человек, с детства прикованный к экрану или монитору, уже не хочет выходить в реальный мир, полностью верит именно шарлатанам, которые манипулируют фигурками и кнопками» [14, с. 299].

Жертва манипуляции и не подозревает, что ее изначально лишили свободы личностного выбора. Человека теперь не принуждают, используя грубое насилие, а перепрограммируют, задают алгоритмы поведения и действий извне. Грубое физическое насилие вызывает у подавляемой личности озлобленность и недовольство, насилие же в виде «духовного наркотика» дает ощущение приятности. Жертва манипуляции не замечает, что ее жизнь уже не принадлежит ей – ее проживают другие [18, с. 195].

В постиндустриальную эпоху взаимодействие индивидов не регулируется более дорациональными принципами: обычаями, традициями, верой в метафизическое, этическими принципами, а все ценности заменяются информацией и различными технологиями. «Технологизация человека в его жизни разворачивается в объективно всеобщий процесс. Вместо общения – технология общения, вместо любви – технология секса, вместо искусства – технология манипулирования образами и звуками, – пишет С. В. Поросенков, – вместо счастья – технология его достижения, вместо питания – технология питания. ...Технологии предстают как логически обоснованные, выявляемые на основании аналогии с уже функционирующими техническими системами, формализованные или социально фиксируемые действия человека во взаимодействии с

техническими системами, обществом, природой, собственным организмом, психикой, духовной жизнью» [23, с. 341].

На дворе время нового тоталитаризма – информационного, в котором человек и его свобода выбора так и не стали высшей ценностью, и это не менее опасный путь духовного рабства личности. «Жизнь духа должна быть свободна и неприкосновенна, – писал в своей статье С. Л. Франк, – мысль и совесть не могут находиться под властью людей – они подчинены лишь своему собственному верховному суду и лишь перед ним повинны отчетом» [25, с. 69].

Теория «духовного тоталитаризма» (манипуляции), пожалуй, в полной степени относится к современной эпохе, которая сделала манипуляцию сознанием своим главным оружием духовного порабощения личности. Свобода современного индивида есть мнимая свобода. Личность убеждена в том, что никакая сила в мире не способна подтолкнуть ее к тому или иному выбору, но это лишь иллюзия. Массовое общество очень точно зомбируется, детально разработаны методы управления целыми народами, свобода современного человека – миф, ничего общего не имеющий с реальностью [18, с. 196].

Потребление неопасно само по себе, это способ существования и людей, и цивилизаций. Речь идет об условиях и особенностях потребления, и прежде всего о реальном праве и наличии выбора. Модернизм и постмодернизм существенно различаются в понимании самого потребителя.

«Модернистское видение потребителей, – отмечает М. Томас, – представляет их как рациональных, планирующих, организованных, конформистских и, вероятно, лояльных. Постмодернизм смотрит на потребителей как на иррациональных, непоследовательных, противоречивых и, возможно, аморальных, но уж точно не моральных индивидуалистов» [12].

В подтверждение этого надвигающегося состояния человечества А. С. Панарин спрашивает: «Почему люди постмодернистского темперамента не просто больше верят в торжество ложного, злого и безобразного – тогда их можно было бы назвать онтологическими пессимистами и ипохондриками, – но предпочитают брать в союзники носителей этих начал, предоставляя им особый кредит поддержки и доверия?» [22, с. 130].

Вместе с тем далеко не все признают наличие постсовременности. В частности, немецкий философ Ю. Хабермас считает, что утверждения о возникновении некой постсовременности являются необоснованными. По его мнению, «современность – это незавершенный проект». Он писал, «...что из той путаницы, которая сопровождает проект модерна, из ошибок экстравагантных программ упразднения культуры нам скорее следует извлечь уроки, чем признать поражение модерна и его проекта» [28].

И отечественный исследователь В. И. Ильин считает, что говорить о смене эпохи *модерна* на эпоху *постмодерна* пока нет оснований. Модернистское мировоззрение и по сей день четко проявляется не только в России, но и в США, Западной Европе. Скорее, можно говорить о том, что на смену безраздельному господству модернистского мировоззрения пришла эпоха его мирного сосуществования со все более усиливающимся постмодернистским мировоззрением, отражающим тенденцию к формированию нового общества *постмодерна* [12].

Рассмотренные автором процессы не являются однозначными и воспринимаются по-разному. Но, что очевидно для всех исследователей, чьи взгляды на модерн, его состояние и перспективы рассмотрены автором в данной статье, модерн находится в состоянии трансформации. По мнению одних, он мертв, по мнению других, скорее жив, чем мертв, а третьи считают, что современное его состояние – это его нормальное проявление.

Вместе с тем, по мнению автора, налицо кризис идеологии модерна и обусловленных ею политических и социально-культурных практик. Парадигма модерна, как и любая идеологическая конструкция эклектична, утопична и исторична. Прошедшие столетия были временем проявления всех его сторон – как светлых, так и темных. В рамках рационалистической парадигмы возникли и развивались различные идеологические доктрины и реализуемые на их основе множественные политики. В итоге парадигма модерна – если еще и не исчерпала себя как глобальное явление, то близка к этому состоянию. Но взамен ей ничего пока не предложено.

Следовательно, мир развивается по инерции и в значительной мере сфера действия сдвинулась на уровень региональных сообществ. Мир различен: для кого-то модерн – это перспектива, для многих социумов и цивилизаций – существующая реальность, а для третьих – объект неприятия и борьбы. Иными словами, сейчас прекрасное время для политологов (исследователей и технологов): уходяще-приходящая натура, доступная для непосредственного наблюдения и вмешательства.

Список литературы

1. *Арзуманов И. А.* Культурно-цивилизационный дуализм Запад – Восток в контексте тантрологии XX–XXI вв. / И. А. Арзуманов // *Вопр. культурологии.* – 2009. – № 5. – С. 34–38.
2. *Белановский С. А.* Глубокое интервью : учеб. пособие / С. А. Белановский. – М. : Никколо-Медиа, 2001. – 320 с.
3. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2002. – 688 с.
4. *Быкова М.* Гегелевский феномен современности, или насколько Гегель близок к модерну / М. Быкова // *Логос.* – 2001. – № 5–6. – С. 95–111.
5. *Декарт Р.* Рассуждение о методе. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Р. Декарт. – М. : Мысль, 1989. – 654 с.
6. *Дугин А. Г.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли [Электронный ресурс] / А. Г. Дугин. – М., 2009 // *Платонополис : сайт.* – URL: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-ag-postfilosofiya-1-tri-paradigmy> (дата обращения: 03.02.2015).
7. *Зиновьев А. А.* Запад. Феномен западнизма / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 1995. – 462 с.
8. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 2000. – 638 с.
9. *Зуляр Ю. А.* Идеологические и политические интерпретации нелиберальной парадигмы / Ю. А. Зуляр // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение.* – 2015. – Т. 12. – С. 14–25.
10. *Зуляр Ю. А.* Идеология и реклама // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение.* – 2007. – № 1. – С. 149–163.

11. Зуляр Ю. А. Кризис основных парадигм Модерна / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 11. – С. 15–29.
12. Ильин В. И. Поведение потребителей [Электронный ресурс] / В. И. Ильин. – URL: <http://www.marketing.spb.ru/read/m7/2.htm> (дата обращения: 03.04.2015).
13. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис (Политические исследования). – 1997. – № 4. – С. 6–32.
14. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : ЭКСМО-пресс, 2002. – 832 с.
15. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация / С. Г. Кара-Мурза. – М. : ЭКСМО-пресс, 2002. – Кн. 2. – 768 с.
16. Козловский П. Современность постмодерна / П. Козловский // Вопр. философии. – 1995. – № 10. – С. 85–95.
17. Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / Огюст Конт. – Изд. 2. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 80 с.
18. Лесевицкий А. В. Образ человека будущего: переход к постмодерну. Т. 2 / А. В. Лесевицкий // Образ человека будущего : монография. – Киев : Скиф, 2012. – С. 180–203.
19. Малишевская Н. А. Игровые практики в дискурсе постмодерна [Электронный ресурс] / Н. А. Малишевская // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. – URL: <http://www.dissercat.com/content/igrovye-praktiki-v-diskurse-postmoderna#ixzz3gamtr76l> (дата обращения: 05.04.2015).
20. Мартыанов В. Парадигмы российской политологии [Электронный ресурс] / Виктор Мартыанов // Политическое образование : информ.-аналит. журн. – 29.06.2009. – URL: <http://www.lawinrussia.ru/paradigmy-rossiiskoi-politologii> (дата обращения: 03.12.2014).
21. Нарижный Ю. А. Философия постмодернизма [Электронный ресурс] / Ю. А. Нарижный. – URL: <http://postmodern.in.ua/?p=1695> (дата обращения: 03.05.2015).
22. Панарин А. С. Глобализм как вызов жизненному миру. За Хайдеггера / А. С. Панарин. – М. : АСТ, 2004. – 567 с.
23. Поросенков С. В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения / С. В. Поросенков. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. – 408 с.
24. Тулин А. А. Введение в трансперсональную психологию. Новые подходы [Электронный ресурс] / А. А. Тулин. – Самиздат, 2008. – 334 с. – URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=20&ved=0CFkQFjAJOApqFQoTCNOJ7qXc7sYCFeb-cgod8cwAOg&url=http%3A%2F%2F> (дата обращения: 03.06.2015).
25. Франк С. Л. Сочинения / С. Л. Франк. – М. : Правда, 1990. – 604 с.
26. Введение в философию : учеб. пособие / авт. кол.: И. Т. Фролов [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2003. – 623 с.
27. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 588 с.
28. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект [Электронный ресурс] / Ю. Хабермас // Библиотека Гумер. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php (дата обращения: 03.05.2015).

Modernity as a Paradigm and Its Development into Reality

Yu. A. Zular

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper attempts to outline Modernity as a system of doctrines, epoch, and mode of civilization existence. Approaches to explain its chronological frameworks, prerequisite and forms are considered. The author identifies and describes basic Modernity premises: reason, rationality, education, progress and positivism. Practice and history of Modernity ideas of different types and forms in various geographical areas are analyzed. Much attention is paid to the study of crisis phenomena in various segments of Modernity phenomenon. They include both ideology crisis occurring on the basis of rationalistic paradigm and revival of old-established paradigms and ideological doctrines as a consequence. The author only mentions them since totality of these problems were dealt with in the previous journal issues. Modern era is shown as a situation in which subjects and objects of a historical process operate. Special attention is paid to modern person's state of mind and self-consciousness. Modern education standards as a contraposition of the plan conceived by Modernity theory creators are characterized. Erosion of politics and ineffectiveness of political process, its transition from real politics into virtual and paradoxical sphere, are stated. As a result there is boundless dominance of manipulation techniques that replaced agitation and propaganda. Unprecedented mass communication capacities enabled to turn sociums and communities into mass audience and make individuals take part in theatrical performances and shows, who obey unknown stage-managers and script-writers, who, in their turn, stooge for unknown political actors.

Keywords: paradigm, Modernity, Post-Modernity, modern age, manipulation, science, ideology, rationalism, socialism, liberalism, world history.

Зуляр Юрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор,

декан, исторический факультет

Иркутский государственный университет

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б

тел.: 8(3952)334372

e-mail: uzulyar@yandex.ru

Zulyar Yuriy Anatolievich

Doctor of Sciences (History), Professor,

Dean, Faculty of History

Irkutsk State University

1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952)334372

e-mail: uzulyar@yandex.ru